

ЖИЗНЬ ПСКОВСКОЙ ДЕРЕВНИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ «ДНЕВНИКА КРЕСТЬЯНИНА»)¹

В последние годы историческая наука всё большее внимание уделяет теме человека в войне. Подобный социокультурный срез даёт возможность по-иному взглянуть на такое трагическое событие как война глазами её участников и свидетелей.

В данном случае хотелось бы продолжить эту традицию и рассмотреть проблематику Первой мировой войны с точки зрения повседневной жизни населения. Наше внимание будет сконцентрировано на самой большой сословной группе населения Российской империи — крестьянстве, которое по своей сути и вынесло на себе все тяготы войны, предоставляя для армии солдат, производя продовольствие не только для страны, но и армии.

Территориальные рамки работы ограничены Псковской губернией, которая в годы Первой мировой войны являлась не просто прифронтовой: в г. Пскове с 1915 г. размещался штаб Северного фронта.

Анализ повседневной жизни псковского крестьянства базируется на таком специфическом для крестьянской среды источнике как «Дневник крестьянина». Дневники как нарративный тип источника, личного происхождения подвергались ранее специальному источниковедческому исследованию².

Ранее «Дневник крестьянина» использовала М. В. Плисак для анализа мировоззрения сельского жителя. Однако автор неверно указала хронологические рамки создания источника: с 1 ноября 1915 г. по лето 1916 г.³ В то же время публикация «Дневника крестьянина» на страницах «Вестника Псковского губернского земства»⁴ началась с

1914 г., а первая запись «Дневника» датируется октябрём 1913 г. Последняя публикация «Дневника крестьянина» относится к 1916 г., охватывая события сентября.

Все публикации дневника подписаны крестьянином Петром Степановым Голубевым. Из текста следует, что проживал он в деревне Запяткове Сидоровской волости Псковского уезда, в состав которой входило 131 селение. По количеству дворов и численности населения данная волость была типичной для Псковского уезда⁵. М. В. Плисак при анализе данного источника справедливо считает, что Пётр Голубев не являлся рядовым крестьянином. Возраст Петра Голубева возможно установить по его дневнику. Так, описывая свою поездку в Петербург в январе 1916 г., он упоминает, что «до 50 лет моей жизни я не бывал далее своего губернского г. Пскова»⁶. Таким образом, можно сделать вывод, что автор дневника родился около 1866 г., т. е. его можно считать человеком преформенной эпохи. В ноябре 1927 г. на страницах «Псковского набата» появилась заметка «Германцы в Запяткове», подписанная тем же Петром Голубевым, её стилистика похожа на «Дневник крестьянина». Таким образом, возможно говорить о том, что в 1927 г. Пётр Голубев был ещё жив.

«Дневник крестьянина» явно создавался специально для опубликования, т. к. в нём довольно часто употребляется слово «сообщу» в контексте незавершенности каких-либо событий. Кроме того, в тексте дневника присутствуют рекомендации по агротехнике и агрокультуре (возделывание малины, дискование земли, устройство парников), ведению домашнего хозяйства, воспитанию детей и санитарии. Всё это вызывает сомнения в том, что Пётр Голубев был крестьянином.

Никитина Наталья Павловна — кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета ПсковГУ.

Кроме того, в дневнике он не называл имён сельских старост и старшин (хотя явно их знал), но в то же время упоминал известные имена хуторян (например, А. А. Перца), учителей, лиц, пострадавших в результате громких преступлений. Кроме того, в «Вестнике Псковского губернского земства» в начале XX в. часто мелькают статьи за подписью Петра Голубева, посвящённые кооперативному движению, выборам в волостное земство. Как упоминалось выше, его имя появлялось и на страницах газеты «Псковский набат». Возможно, «крестьянин Пётр Голубев» — это псевдоним одного из журналистов. Детальный поиск данных об этом авторе ещё предстоит осуществить с привлечением клировых ведомостей и метрических книг. Безотносительно сословного происхождения автора стоит отметить, что он владеет информацией о жизни крестьян Сидоровской волости.

Описание в дневнике идёт по годам, месяцам и дням. Наше внимание привлекли те записи, которые относились к периоду Первой мировой войны. Как и в довоенный период, автор уделял внимание погоде, природным явлениям, сельскохозяйственным работам, эпидемиям среди скота и событиям в его местности.

Внимание автора привлекают и необычные природные явления. Так, Пётр Голубев упоминает о солнечном затмении и разъяснительной работе местных властей накануне этого события: сторож заранее (за 2 дня) разносил по деревням объявления о солнечном затмении, которое произошло 8 августа 1914 г. и вызвало значительный испуг, особенно у женской части населения, которое, прекратив работу, обратилось к молитвам⁷. Упоминается в дневнике и северное сияние 14–15 сентября 1914 г.⁸, появление кометы 2 октября 1914 г.⁹ Все эти астрономические явления, по мнению крестьян, предвещали войну и голод.

Большая часть дневника посвящена перечислению сельскохозяйственных работ, которыми занимались крестьяне. Это не случайно: несмотря на все перипетии военного времени, жизнь псковского крестьянства вращалась вокруг сельскохозяйственной деятельности. Пётр Голубев детально перечисляет, в какой день и какие сельскохоз-

яйственные работы велись, каковы были цены на сельскохозяйственную продукцию. Так, в сентябре 1914 г. цены на молочных поросят упали почти в два раза¹⁰. Однако вскоре ситуация изменилась и цены на продукты и сельскохозяйственные работы начали расти. О дороговизне продуктов питания сообщали в своих письмах с фронта солдаты¹¹. В 1915 г. цены на продукты становятся всё выше, и некоторые крестьяне вместо чая переходят на заварку из трав, в частности мяты¹². Отмечая рост цен на продукты питания и товары первой необходимости в деревенских лавках, в качестве положительного примера низких цен Пётр Голубев приводит деятельность кооперативного учреждения — общественной лавки. Так, соль в лавке у частника стоила 2 руб., а в общественной — 1 руб. 40 коп., керосин — 9 руб. вместо 13 руб. у частника¹³. Несомненно, что сам автор дневника был членом кооперативной организации, т. к. находился в курсе нюансов её деятельности (доходе, количестве взносов). В его доме крестьяне записывались в члены общественной лавки¹⁴. В дневнике присутствует «скрытая реклама» кооперативного движения.

Определённым отдыхом крестьян от многочисленных сельскохозяйственных работ являлись церковные праздники и ярмарки. Упомянув о церковном празднике Успения божьей матери (13 августа) в 1914 г., Пётр Голубев отмечает, что крестьяне экономят деньги и приобретают мало продуктов¹⁵. Меняется и характер проведения праздника: крестьяне проводят время за чтением газет и телеграмм с войны. «В праздники пьяных не было, и гуляли тихо»¹⁶. Данное обстоятельство не касалось такого праздника как Рождество, который по-прежнему отмечался весело и шумно. Если на момент праздника не были завершены сельскохозяйственные работы, а погодные условия менялись, крестьяне пренебрегали «гуляющим днем» и продолжали работать.

Актуальной темой в псковской деревне на протяжении Первой мировой войны являлось употребление спиртных напитков. Если накануне войны в церковный праздник молодежь приобретала водку по 2 руб. за бутылку¹⁷, то после введения в Российской империи в августе 1914 г. запрета на про-

дажу вино-водочных изделий до окончания военных действий, в сельской местности начинается нелегальная продажа суррогатного алкоголя (ханжи). Употребление данного напитка приводило к летальным исходам¹⁸. Стоимость суррогата в 1916 г. уже достигала 3 руб. за бутылку, а иногда и до 6 руб.¹⁹ В феврале 1916 г. Пётр Голубев делает в дневнике следующую запись: «Питье ханжи в нашей местности всё более и более распространяется, как только собрание, там явится и ханжа»²⁰. В дневнике имеются упоминания об употреблении алкоголя женщинами. Суррогат очень часто привозили из Петербурга. В данном случае город в дневнике выступал как источник зла. Правительство вело борьбу с нелегальным алкоголем: производителей и продавцов в случае обнаружения ханжи предавали суду. Однако, Пётр Голубев редко упоминает о таких процессах, чаще звучит реплика о том, что торговцев суррогатом не нашли. Здесь стоит усомниться в искренности автора. В сельской местности все прекрасно знали кто торгует вином, но учитывая принцип круговой поруки и то, что дневник явно создавался с целью опубликования, автор опускает имена.

В деревне Петра Голубева — Запяткове, несмотря на её близость к городу, некоторые крестьяне придерживались старых обычаев²¹. Пётр Голубев на страницах дневника представляется современным, «продвинутым крестьянином», не сторонником старых традиций, но в то же время он довольно часто осуждает молодёжь, которая в отсутствие отцов распустилась: сорит деньгами, играет в карты на деньги. «В нынешнее время денежный народ, не только мужчины, но и женщины, не только хозяева, но и молодёжь, на что деньги понадобятся, молодежь у хозяев не просит»²². Однако не всегда молодёжь и женщины тратили финансы на такие неблагоприятные вещи как ханжа и игра в карты, некоторые выписывали иллюстрированные журналы: «Стрекоза», «20 век», «Женщина», «Хозяйка» и др. Источник дохода у молодёжи был самый различный: отходничество в крупные города, наём на сельскохозяйственные работы в округе, работа на лесном промысле, сбор ягод. Например, «Анна Михайлова в три дня собирала клюквы на 19 руб.»²³.

Пётр Голубев подчёркивает, что заработки в районе Сидоровской волости оказывались подчас выше, чем в дальних краях. Данный факт не удивителен: в условиях военного времени численность трудоспособного населения уменьшилась, и в сельской местности возникла даже нехватка рабочих рук, соответственно возросла и стоимость сельскохозяйственных работ, о чём так же регулярно упоминает автор. Идея «где родился, там и пригодился» активно проводится Петром Голубевым в его дневнике. Тема больших денег в крестьянской среде возникает в дневнике именно с 1916 г. «Несмотря на военное время, народ не имеет нужды в деньгах. Деньги тратят без расчёту» — пишет автор²⁴. В связи с ростом цен на сельскохозяйственную продукцию денег у крестьян становится всё больше, но не стоит забывать и тот факт, что фабричные товары тоже растут в цене. В условиях инфляции крестьяне чувствовали необходимость сохранения накоплений и действовали в этом случае двумя путями: покупкой фабричного товара впрок, иногда даже, по мнению Петра Голубева, не нужного (например, гармони, наряды, ленты, картинки) или вложением денег в ссудо-сберегательные товарищества или общественные лавки. Последний вариант вызывал одобрение со стороны автора дневника, что и понятно, т. к. сам Пётр Голубев был участником кооперативного движения.

В годы войны растёт количество преступлений против частной собственности. Всё чаще и чаще на страницах дневника упоминаются кражи, разбойные действия, драки. Несомненно, что рост числа преступлений — атрибут любой экстремальной ситуации.

В условиях военного времени продолжается процесс реализации Столыпинской аграрной реформы, поэтому несколько раз Пётр Голубев упоминает о разделах земли, о выходе на хутора. Так, в июле 1914 г. крестьяне дер. Жалобово разделили надельную землю по числу наделов на хутора²⁵. 19 сентября 1914 г. уже при помощи землемера раздел надельной земли на хутора осуществили крестьяне деревни Агафоново²⁶. В августе 1915 г. крестьяне деревни Климово также разделили землю на хутора²⁷. Однако в записях за 1916 год нигде не говорится о

таких разделах, что косвенно свидетельствует о прекращении реформы. Особое место в дневнике уделено сравнению хуторского и общинного типа хозяйств. Пётр Голубев является сторонником первого типа. Дневник пестрит упоминаниями о том, как хорошо живётся хуторянам, насколько дороже они продают свой скот, ввиду его хорошего состояния. В качестве примера Пётр Голубев приводит хутор А. М. Перца, который «живёт как на другом свете»²⁸.

Событиям военного времени в дневнике уделяется крайне мало внимания, отсутствует даже упоминание об объявлении войны. Впервые события, связанные с войной, появляются на страницах дневника в записи от 18 июля 1914 г. Пётр Голубев, описывая мобилизацию запасных солдат, фиксировал их эмоциональный подъём и уверенность в том, что они прогонят врага «за моря». Образ врага в глазах народа был не привлекательный — «проклятая немчура». В 1916 г. Пётр Голубев упоминает о впечатлениях крестьян от встречи с пленными: «Австрийцы народ бледный, как видно малосильный, за то и боются в рукопашную»²⁹.

На страницах дневника довольно часто фиксируется патриотический подъём, отсутствуют указания на неудачи на фронтах. Так, солдаты в своих письмах «просят не верить разным вздорным слухам и пишут, что харчи хороши», уверяют домашних, что «немцу нас не забидеть»³⁰. Интерес крестьян к войне проявлялся и в том, что они в воскресный день 31 августа 1914 г. ходили на станцию Черскую смотреть на эшелоны, которые отправлялись на войну, «войска ехали на войну весело»³¹. Брат Петра Голубева Иван Голубев в своем письме отмечал, что зимнее обмундирование он получил отличное, новое, и что солдаты «готовы сразиться с врагом, хотят сорвать у него белую манишку и щелбеты с ног»³². В своих письмах Иван Голубев отмечал, что «на войне не все худо, бывает и хорошо»³³. Некоторые подростки из Сидоровской волости бегут на фронт помогать отцам бить врага³⁴.

На наш взгляд, обилие патриотизма на страницах дневника было вызвано, прежде всего, тем, что его публикация была осуществлена на страницах официального зем-

ского издания, которое подвергалось цензуре, о чём свидетельствуют и пропуски целых абзацев, например в публикации за февраль 1916 г.³⁵

О волне патриотизма в начале войны свидетельствует и такой факт, что при обращении сельского старосты к крестьянам дер. Запятково с просьбой о пожертвовании мешков для нужд войны, крестьяне за один день собрали 150 мешков. В октябре 1914 г. крестьяне жертвовали на войну нижнее белье. При этом стоит указать на факт совместных действий сельского самоуправления и церкви. Так, мешки собирал приходской священник, а нижнее белье церковный староста³⁶. Это не случайно, т. к. сельское самоуправление в Псковской губернии обычно не имело своих собственных помещений, а для сходов даже арендовались избы. В данном случае церковь была местом, которое объединяло крестьян не только для церковной службы, здесь устанавливались и поддерживались контакты между жителями разных деревень, членов одного сельского общества. Церковь играла особую роль и в оказании помощи беженцам. Так, в августе 1915 г. священник Чирской церкви С. Гривский обратился с речью к прихожанам о необходимости оказать помощь беженцам. Крестьяне поддержали своего пастыря и собрали зерно, которое бесплатно смолот на паровой мельнице крестьянин Иван Петрович Петров³⁷. Ученики Иоановской церковно-приходской школы собирали деньги для детей беженцев, для пасхальных подарков³⁸. Интересно, что детали жизни беженцев на территории Сидоровской волости в дневнике отсутствуют.

Информацию о событиях на фронтах псковские крестьяне получали из газет и писем солдат. Старикам газеты читали школьники. Например, учитель Чирского министерского училища Григорий Васильевич Горский рассказывал о военных событиях и демонстрировал картины военных действий³⁹. Сидоровское волостное правление в 1914 г. бесплатно раздавало крестьянам телеграммы со сводками с театра военных действий. Бесплатные листки «Обзор войны», наряду с «Молитвами» и «Поучениями», раздавались в церкви после праздничной литургии⁴⁰. Интерес к военным действиям всё

более возрастал с продолжением войны. Так, в январе 1916 г. Пётр Голубев делает в дневнике запись следующего содержания: «на военные действия всё обращают внимание старые и малые, богатые и бедные. Как только явится солдатик, расспрашивают его про ход войны»⁴¹. Автор дневника отмечает, что крестьяне любят слушать рассказы не только о текущей войне, но других войнах вообще. Война расширила кругозор крестьян. Возвратившиеся с фронта солдаты рассказывали не только о боевых действиях, но и о жизни населения в других регионах страны.

С темой войны связаны и сюжеты с мобилизацией лошадей. Лошадь — главная тяговая сила в хозяйстве крестьянина. Первая мобилизация лошадей в районе деревни Запятково прошла 19 июля 1914 г.⁴² Первоначально крестьяне думали, что лошадей будут реквизируют безвозмездно, и поэтому «плакали», прощаясь с ними. Однако впоследствии выяснилось, что за взятых для фронта лошадей платят «хорошую цену», около 120 руб., в то время как лошадь для сельскохозяйственных работ можно было приобрести за 55 руб. После этого отношение крестьян к мобилизации лошадей кардинально изменилось: они стали добровольно сдавать своих лошадей, а некоторые даже делали бизнес на данном предприятии. Сдав свою лошадь для нужд армии, на вырученные с этого предприятия средства они приобрели новую лошадь, а оставшиеся средства использовали для накопления. Однако данная ситуация была характерна для начала войны, со временем цена на лошадей возросла, и средства за мобилизованных лошадей не покрывали разницу. В ходе первой мобилизации лошадей из 4 деревень было мобилизовано 13 животных⁴³.

В условиях войны появляется и особая социальная группа — солдаты. Судьба солдат красной нитью проходит через дневник крестьянина. Пётр Голубев упоминает о том, что уже через 12 дней после призыва запасных солдат их жены начали получать прогонные деньги — по 3 коп. за версту⁴⁴. В дневнике регулярно упоминается о получении солдатами пособий за своих мужей и о том, что денег у солдаток достаточно. «Без денег не живем»⁴⁵ — говорили они. Сцены досуга

солдаток на страницах дневника полны умиления, романтизма — возникает образ венецианских крестьянок. То вечером в избе они тихо читают брошюру «Попечение о солдатских семьях», то сидят обособленно днём на солнышке на зелёной травке. «Отрадно смотреть на солдаток, как они ведут своё хозяйство без мужей. Каждую копейку тратят с расчётом на полезные дела»⁴⁶ — пишет автор дневника. В своих разговорах с Петром Голубевым женщины отмечали как положительные, так и отрицательные стороны жизни солдаток. К первым они относили спокойный образ жизни без пьяных посиделок и игры в карты. Трудности заключались в тяжёлой работе, связанной с обработкой земли, поэтому крестьянки нанимали работников.

Война отразилась на агрокультуре псковских крестьян. Так, в дневнике упоминается о том, что в результате начала войны возникли трудности с приобретением минеральных удобрений, и крестьяне Сидоровской волости вынуждены были использовать старые способы улучшения плодородности земли: удобрение посевов под рожь золой и торфом.

Деятельность крестьянского волостного самоуправления в годы Первой мировой войны активизировалась. Помимо традиционных волостных сходов, связанных с выбором должностных лиц, проходили и заседания, связанные с военными событиями. Например, 22 октября 1914 г. крестьяне Сидоровской волости на сходе приняли решение об обложении земли для нужд войны. Решено было ввести сбор в 5 коп. с надела, причём данным сбором облагались только земли крестьян, в чьих семьях не было лиц призванных на войну. В данном решении можно усмотреть принцип социальной справедливости. Помимо этого, волостное правление информировало крестьян о мерах государственной безопасности в случае появления вражеских шпионов. Так, на волостном сходе 20 августа 1914 г. «волостной писарь объявил... о возможном пролёте германских аэропланов и необходимости в случае их появления немедленно доносить в волость и уряднику»⁴⁷. Данное объявление имело под собой почву, т. к. Псковская губерния являлась прифронтовой, и появле-

ние вражеских самолетов могло иметь здесь место. Таким образом, возможно говорить об усилении функции охраны правопорядка со стороны волостного правления в годы войны. На протяжении 1916 г. почти ежемесячно в Сидоровском волостном правлении проходят заседания Комитета помощи бедным солдаткам, однако о принятых там решениях Пётр Голубев в своём дневнике ничего не упоминает.

В последней публикации дневника отражены события сентября 1916 г.: уборка урожая и реализация сельскохозяйственной продукции, происшествия в соседних деревнях, тревоги крестьян по поводу вырубки казённого леса, проданного купцу А. И. Чернову, деятельность общественной лавки. Особое внимание уделено процессу воспитания детей, на которых отрицательное влияние оказывает пример взрослых: в частности, игра в карты. По мнению Петра Голубева, образование молодым людям крайне необходимо: «Теперь всякое дело требует от человека большого знания и развитого ума»⁴⁸. Таким образом, в дневнике выражается жизненная позиция прогрессивного для своего времени крестьянина.

Несомненно, что представленный в дневнике материал не лишен элемента субъективизма, но в то же время он позволяет увидеть определенные изменения и тенденции, которые происходят в повседневной жизни псковского крестьянства в годы Первой мировой войны.

На наш взгляд, своеобразным продолжением «Дневника крестьянина» является публикация «Германцы в Запяткове»⁴⁹, которая рисует положение знакомой уже деревни в условиях немецкой оккупации 1918 г. Заметка помещена в разделе, посвящённом 10-летию Октябрьской революции, и содержание её начинается с оценки Первой мировой войны как тяжёлой и кровопролитной. Пётр Голубев, указывая на факт возвращения солдат к своим родным семьям, это оценивает как бегство, подчеркивает, что этим воспользовались немцы и «идут в Россию без сопротивления, без боя»⁵⁰. Любопытно, что уже в конце войны крестьяне не реагируют на пропаганду, не доверяют листовкам («Что су-

лит германская победа», «Отечество в опасности»). Усталость от войны, непонятность её целей приводят запятковских крестьян к мысли, что «своя голова дороже чернозёма, лугов и лесов». Информацию о событиях на фронте крестьяне теперь получают только благодаря слухам. Для того, чтобы лично удостовериться в устной информации о занятии немцами г. Острова, крестьяне «старые и малые» отправляются на станцию Черская. Данный железнодорожный узел упоминался и в «Дневнике крестьянина», как место, аккумулирующее в себе разнообразную информацию о событиях в стране. Это не случайно: по железным дорогам из разных регионов страны перемещались большие потоки населения, которые становились свидетелями различных событий, рассказ о них, относительно достоверный, передавался из уст в уста и станции являлись местом, где возможно было получить наиболее актуальную информацию. Запятковские крестьяне печально смотрели на поезда, идущие в Псков, на отступление. Перед приходом врага ночью были взорваны мосты через реки Многа и Черёха. Любопытно, что точную дату появления немцев в своём селении Пётр Голубев не указывает. Для данной заметки характерно отсутствие дат, имеется только относительное указание на время года, количество дней между какими-то событиями. Так, через два дня после посещения станции Черская в Запяткове появляются немцы.

Образ врага («немчуры»), успешно созданный русской пропагандой, вызывал страх у крестьян. Женщины боялись за судьбу детей, которых враг может угнать «на чужбину» и вместе с детьми попрятались в сено. Мужчины, стоя у стены, «тряслись как осиновый лист». Однако эти «германцы» оказались обычными людьми. Пётр Голубев пишет, что они убеждали крестьян в том, что не будут чинить им обиды. Интересно, что передавая содержание разговора с врагом, автор не упоминает, на каком языке шло общение. Сложно поверить, что запятковские крестьяне свободно владели немецким языком, велась ли беседа на русском — тоже не известно. Эти детали заставляют усомниться в том, что автор статьи был непосредственным участни-

ком данных событий. Немцы пытаются установить контакт с крестьянами: предлагают мужчинам сигареты, а детям конфеты.

Зима в условиях оккупации для крестьян прошла спокойно. Немцы взяли под контроль местное управление: «везде стало их начальство»⁵¹, были созданы комендатуры. Весной в сельской местности стали переписывать скот с целью его бесплатной реквизиции. Немцы тоже оказались коррумпированными людьми и за взятки в виде яиц и сала освобождали крестьян от таких реквизиций. А продовольствие в псковской деревне имелось. Так, Пётр Голубев упоминает крестьянина Ивана Бойкова, у которого было 12 коров, 18 овец и 3 борава. Благодаря взятке его имущество не подверглось изъятию. Отношения различных категорий крестьян к оккупантам было различным. Степан Голубев указывает на факт поддержки немцев со стороны сельской буржуазии. Причина такой «дружбы» определялась страхом последней перед теми изменениями, которые происходили на неоккупированной территории России: «...она залита кровью. Там расстреливаются и гноятся тысячи крестьян, уничтожают нажитое трудом добро, отбирают хлеб. Церковь и вера поруганы, за слова божественные карают смертью»⁵². В то же время большинство запятковских крестьян не поддерживала такую позицию. В то же время следует критически отнестись к позиции крестьянства, изложенной автором, т. к. его статья опубликована в официальном периодическом издании в 1927 г., т. е. П. Голубев за истёкшее время мог пересмотреть свои взгляды.

Война это столкновение не только вооружённых сил, но и плотное взаимодействие разных культур и менталитетов. Так, Степан Голубев описывает интерес, который проявил один из немецких военнослужащих к работе женщин: возможно, он происходил из городского сословия и не сталкивался с сельскохозяйственным трудом, или же его удивил способ уборки хлеба серпом, — не известно. Однако немец решил сам принять участие в уборке урожая тем же способом, что осуществляли его крестьянки. Однако данный опыт оказался неудачным: военный порезался и в отместку ударил женщину. Данный факт ещё раз свидетельствует о том, немцы рассматривали Псковскую землю как оккупированную территорию, не считались с местным населением и фактически осуществляли его грабёж; покидая Запятково, они вывезли лучшие вещи и орудия труда в Германию.

Таким образом, можно сделать вывод, что несмотря на все перипетии военного времени, жизнь крестьянства шла своим чередом и определялась в основном календарем сельскохозяйственных работ. В то же время война внесла очень много изменений в размерный быт и традиции псковских крестьян: усилилась самостоятельность молодого поколения и женщин, в деревне появились быстрые деньги, солдаты с фронта принесли много новой информации о жизни не только в других регионах страны, но и зарубежом.

Примечания

- ¹ Работа подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 14-11-60001 «Социальное пространство псковской деревни в условиях модернизации».
- ² Павлова С. В. Дневники и воспоминания отечественных историков как исторический источник изучения общественно-политической и научно-педагогической жизни России конца XIX — начала XX вв. Автореферат дисс... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2006.
- ³ Плисак М. В. «Дневник крестьянина» как источник по истории мировоззрения сельского жителя (1916 г.) // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 29. Псков: ПГПУ, 2008. С. 125.
- ⁴ С 14 номера 1914 г. данное издание изменило свое название на «Вестник Псковского губернского земства и сельского хозяйства Псковской губернии».
- ⁵ Волости и важнейшие селения Европейской России: По данным обследования, произведенного стат. учреждениями М-ва вн. дел. Вып. 7. Губернии Приозерной группы / Сост. Г. Г. Ершов. СПб., 1885. С. 46.
- ⁶ Голубев П. С. Дневник крестьянина // Вестник Псковского губернского земства и сельского хозяйства Псковской губернии. 1916. № 13. С. 15.
- ⁷ Голубев П. С. Дневник крестьянина // Вестник Псковского губернского земства и сельского хозяйства Псковской губернии. 1914. № 40. С. 14.
- ⁸ Голубев П. С. Дневник крестьянина // Вестник Псковского губернского земства и сельского хозяйства Псковской губернии. 1914. № 44. С. 14.
- ⁹ Голубев П. С. Дневник крестьянина // Вестник Псковского губернского земства и сельского хозяйства Псковской губернии. 1914. № 48. С. 13.
- ¹⁰ Голубев П. С. Дневник крестьянина // Вестник Псковского губернского земства и сельского хозяйства Псковской губернии. 1914. № 44. С. 15.
- ¹¹ Голубев П. С. Дневник крестьянина // Вестник Псковского губернского земства и сельского хозяйства Псковской губернии. 1914. № 48. С. 13.
- ¹² Голубев П. С. Дневник крестьянина // Вестник Псковского губернского земства и сельского хозяйства Псковской губернии. 1915. № 42. С. 14.
- ¹³ Голубев П. С. Дневник крестьянина // Вестник Псковского губернского земства и сельского хозяйства Псковской губернии. 1916. № 13. С. 15.
- ¹⁴ Голубев П. С. Дневник крестьянина // Вестник Псковского губернского земства и сельского хозяйства Псковской губернии. 1916. № 10–11. С. 19.
- ¹⁵ Голубев П. С. Дневник крестьянина // Вестник Псковского губернского земства и сельского хозяйства Псковской губернии. 1914. № 40. С. 14.
- ¹⁶ Голубев П. С. Дневник крестьянина // Вестник Псковского губернского земства и сельского хозяйства Псковской губернии. 1914. № 40. С. 14.
- ¹⁷ Голубев П. С. Дневник крестьянина // Вестник Псковского губернского земства и сельского хозяйства Псковской губернии. 1914. № 37–38. С. 22.
- ¹⁸ Голубев П. С. Дневник крестьянина // Вестник Псковского губернского земства и сельского хозяйства Псковской губернии. 1915. № 42. С. 14.
- ¹⁹ Голубев П. С. Дневник крестьянина // Вестник Псковского губернского земства и сельского хозяйства Псковской губернии. 1916. № 10–11. С. 20.
- ²⁰ Голубев П. С. Дневник крестьянина // Вестник Псковского губернского земства и сельского хозяйства Псковской губернии. 1916. № 14–15. С. 19.
- ²¹ Голубев П. С. Дневник крестьянина // Вестник Псковского губернского земства и сельского хозяйства Псковской губернии. 1914. № 40. С. 14.
- ²² Голубев П. С. Дневник крестьянина // Вестник Псковского губернского земства и сельского хозяйства Псковской губернии. 1916. № 10–11. С. 20.
- ²³ Голубев П. С. Дневник крестьянина // Вестник Псковского губернского земства и сельского хозяйства Псковской губернии. 1916. № 20. С. 11.
- ²⁴ Голубев П. С. Дневник крестьянина // Вестник Псковского губернского земства и сельского хозяйства Псковской губернии. 1916. № 12. С. 15.
- ²⁵ Голубев П. С. Дневник крестьянина // Вестник Псковского губернского земства и сельского хозяйства Псковской губернии. 1914. № 37–38. С. 23.

